

«"Двоестрел огня и льда", этот апостол Близнецов Диссонанса, почему он оказался здесь?!»

В прошлые выходные центральное отделение Инквизиции подверглось вторжению их богини, и в Шпиневиле родился новый тёмный бог — он что, не занят? Разве он не должен быть занят до такой степени, чтобы вообще не иметь времени спать?

Старший смены в душе яростно взвыл.

Как член культа Искажения, скрывавшийся в Шпиневиле, он когда-то представлял себе, каким будет момент, если он вдруг столкнётся с Фельдграу Дуофюром.

Разумеется, это должно было произойти во время какой-нибудь операции, и он должен был стать пушечным мясом под стволами этого апостола. А как иначе? Создать обратную ситуацию? Невозможно. Годы холодной ненужности в культе делали старшего смены очень трезвым.

Но как бы трезво он ни думал, он никогда не мог представить, что «Двоестрел огня и льда» появится у него на рабочем месте.

Старший смены не знал, что компания морской капусты, которая открыла этот туристический маршрут, рассылала почётные билеты многим известным людям Шпиневиля, и верховный инквизитор Фельдграу Дуофюр был одним из них.

Если бы старший смены знал, он, вероятно, ворвался бы в кабинет начальства, схватил бы хозяина за плечи, встряхнул и взвыл: «Да что же ты натворил?!». Но он не знал, так что сейчас он только мог стоять на верхней палубе экскурсионного судна, весь в холодном поту; улыбка на его лице уже совсем не держалась.

А его коллега — Явлевис Бойга, этот змеелюд — вообще не видел причала в нескольких десятках метров отсюда, он мог только непрерывно высовывать язык и обнюхивать воздух.

Явлевис был напряжён и сбит с толку: плотная толпа на причале источала слишком много запахов, мешая его восприятию. Змеелюд не понимал, почему он вдруг почувствовал запах пота старшего смены. Пока не услышал голос, который за очень короткое время отпечатался у него в душе.

— Старший смены, — Линь крикнул, закончив объяснять верховному инквизитору ситуацию с обнаруженными культистами, — подойдите, пожалуйста. И тот официант по имени, кажется... Явлевис Бойга, — «Слепой чтец» точно произнёс имя змеелюда, с которым он общался всего один раз. — Верно? Пожалуйста, подойдите и вы.

Явлевис понял, что происходит.

А старший смены почти хотел проткнуть пальцем довольное лицо «Слепого чтеца».

«Какой наглый! Он просто стоит рядом с "Двоестрелом огня и льда" — и что, это даёт ему право так себя вести?!»

Но уже в следующую секунду, когда розовые глаза дуофюрского птицелюда взглянули и на него, старший смены в панике опустил голову и понял, что это действительно очень серьёзно.

К этому моменту остальные стоявшие вместе с ним на платформе официанты, даже если до этого не заметившие верховного инквизитора на причале, теперь, услышав крик, тоже повернулись в ту сторону.

Увидев его, они, несмотря на профессиональную выучку, не смогли сдержать восторг.

— Это верховный инквизитор!

— Он смотрит на нас! Недаром он апостол Близнецов Диссонанса! Мне кажется, он уничтожает взглядом всю мою недельную неудачу!

— Можно ли попросить у него автограф как оберег? Говорят, в городе сейчас неспокойно...

— Почему верховный инквизитор зовёт старшего смены и Явлевыса?

Шпиневиль был одним из немногих городов, где жил апостол. Но шесть лет назад, до того как Фельдграу Дуофюр получил благословение Близнецов Диссонанса, Шпиневиль являлся просто обычным средним городом на Райи, известным лишь добычей высококачественного шпинеля как алхимического материала.

Но теперь всё было иначе — и муниципалитет, и Инквизиция активно продвигали образ Фельдграу. Даже в мире, где путешествовать трудно, примитивный туризм в Шпиневиле всё же развивался.

Разумеется — для паломников Близнецов Диссонанса.

Апостолы, идущие следом за богами, обладали такой притягательной силой. В иерархии церкви апостолы стояли выше пап.

Компания морской капусты — владелец экскурсионной подлодки — сумела подняться, оседлав эту волну туризма; Фельдграу буквально был святым, приносящим компании удачу. Неудивительно, что эти официанты радовались так, словно нашли деньги.

Только старший смены и Явлевис не могли радоваться.

«Бежать — значит умереть. Не бежать — значит умереть».

Эти две мысли по очереди стучали у них в голове. Они знали, что так или иначе им не избежать смерти. Старший смены под взглядом «Двоестрела огня и льда» не мог пошевелиться, а Явлевис впервые благодарил свою сильную близорукость: он не видел того грозного врага, не чувствовал исходящую от него мощь, а потому у него ещё оставалась некоторая свобода движения.

«Остаётся только самоубийство! Нельзя допустить, чтобы информация культа вышла из моих уст!»

Змеелюды Бойга являлись ядовитыми — они имели загнутые внутрь клыки. Говорили, что их звериный прототип — кошачья змея, бойга — тоже была ядовита, хотя её яд оставался слабым.

Но яд Явлевиса слабым не был. Усиленный магией, он мог с лёгкостью убить нескольких средних служителей с укреплённым телом; даже высокоуровневый служитель, отравленный его ядом, на время впал бы в паралич.

И Явлевис сам являлся служителем среднего уровня, поэтому, чтобы покончить с собой, ему нужно было всего лишь укунить себя крючковатым клыком...

— Мистер Явлевис, — сказал вслед за Линем Фельдграу, — и вы, старший смены, пожалуйста, подойдите.

Через минуту два культиста стояли перед инквизиторами, застыв, словно новые роботы, сделанные неопытным механистом.

Они точно не пришли добровольно — но, когда заговорил Фельдграу, они не смогли противиться воле апостола.

Даже если они хотели убить себя, убежать или хотя бы прихватить с собой пару горожан перед смертью — это оставалось только мыслями. Стоило им хоть чуть-чуть попытаться двинуться, как их одновременно накрывало чувство, что их тела вот-вот будут прошиты пулями.

— Ты действительно угадал, — сказал секретарь Ловветро, который тоже присутствовал, но не был замечен культистами, — такой реакцией могли отличиться только скрытые члены культа.

— Я же говорил, что это культисты, — ответил Линь.

— Но доказательства, которые ты дал, заключались только в том, что этот змеелюд нетипично

отреагировал на тебя, а потом — что и старший смены как-то странно себя повёл. Если бы обычный горожанин прислал в Инквизицию такое донесение, мы бы его не приняли.

— Змеелюд, увидев меня, через несколько секунд внезапно запаниковал, и то, как он меня покинул, было очень быстро, будто он хотел убежать, — сказал Линь. Хотя на самом деле он прочитал эмоции Явлевыса в зеркальном отражении. — А старший смены очень целенаправленно искал меня в толпе пассажиров, хотя я ведь вообще с ним не контактировал. Трудно было не заподозрить, что он был сообщником змеелюда.

— ? — секретарь Ловветро в недоумении посмотрел на него. — Я стоял на причале рядом с верховным инквизитором и ждал тебя. Как я мог этого не заметить?

Линь бросил на пёсолюда полный притворной жалости взгляд.

Секретарь Ловветро:

— ...Что ты хочешь сказать?

Линь:

— У пёсолюдов тоже есть наследственная лёгкая близорукость. Конечно, по сравнению со змеелюдами ваше зрение всё равно считается хорошим, так что я не виню тебя за плохие глаза.

— Линь! — секретарь Ловветро рассердился. — Ты что, не хочешь получить премию за успешное донесение о культистах?!

— Разве не ты говорил, что ты сам не занимаешься выдачей премий и субсидий? — искренне удивился Линь.

— Вот когда я хочу урезать твою премию, ты отлично об этом помнишь! Но когда ты хочешь получить премию — почему вдруг забываешь?! — Ловветро был уверен, что Линь делает это намеренно.

— Инквизиция что, действительно урезает премии?! — Пятнуля с изумлением вмешался в разговор.

— Какие плохие, — сказала Хвостик, ухватившись за край одежды Линя и спрятавшись за него.

— ... — секретарь Ловветро приложил руку к груди — очевидно, слова детей нанесли ему тяжёлую рану.

Он хотел было что-то ответить, но его обязанности как секретаря дали ему почувствовать взгляд Фельдграу.

— Верховный инквизитор, — он мгновенно надел выражение образцового секретаря и выпрямился. — Ваши рабочие встречи после возвращения в центральное отделение... Мне временно отложить их для вас?

— Да, буду благодарен, — сказал Фельдграу. — Я вместе с Линем сначала доставлю этих двух культистов в храм Матери Первозданной Крови.

— И я тоже? Хорошо, — Линь опустил голову и посмотрел на двух детей. — Вы двое...

Хвостик глянула на двух культистов, будто скованных заклятием. Холод, присущий рептилиям, мгновенно заставил её снова вцепиться в одежду Линя, и только спустя мгновение она ослабила хватку.

— ...Я вместе с Пятнулей вернусь домой. Всё хорошо, Линь. Ты же сегодня специально выдал нам карманные деньги — мы можем доехать на трамвае, — она сказала это очень по-взрослому.

— Я смогу её защитить, — заявил Пятнуля, хлопнув себя по груди в попытке изобразить силу, но на деле просто потряхнув жирком.

«Хвостик явно испугалась из-за встречи с культистами», — подумал Линь.

— Всё в порядке, идите с нами, потом вернётесь домой, — мягко сказал Фельдграу. — Священники Матери Первозданной Крови очень любят детей. Они даже смогут помочь вам с уроками.

Пятнуля мгновенно помрачнел, вспомнив о домашних заданиях.

У Хвостик, наоборот, появилось вдохновение и радость.

Фельдграу повёл двух культистов без наручников вниз по откосу у реки. Линь шёл позади них, уже держа книгу таинств в руках.

Он листал её, и шелест страниц за спиной заставлял двух культистов вздрагивать раз за разом. Даже когда они уже сидели в машине, присланной церковью Матери Первозданной Крови, они продолжали дрожать.

— Вы сегодня общались с церковью Матери Первозданной Крови по работе? — спросил Линь, увидев женщину-водителя в красной мантии.

Фельдграу посадил двух культистов в ряд с собой — для многих жителей Шпиневилля это был бы почётнейший опыт, но для змеелюда и ящеролюда это выглядело так, будто их посадили в печь.

— Да. Раньше сила культа Искажения в Шпиневиле была почти полностью уничтожена, но сейчас город снова имеет стратегическое значение. Нужно учитывать, что они могут перебросить людей из других городов, — сказал Фельдграу. — Мы уже согласовали с муниципалитетом усиление патрулей на станциях метро, а также расширение зоны патрулей до самих тоннелей. Если перекрыть входы со стороны метро, то оставшимся путём проникновения культа Искажения будет река Райи.

— Верховный инквизитор, — обратился к нему Линь, — пока вы говорили, лица этих двух культистов изменились. Прямо как будто вы точно их подловили.

«"Слепой чтец" такой неприятный человек», — подумали старший смены и Явлевис.

— Да? — не только Фельдграу, но и водитель посмотрела на двух культистов в зеркало заднего вида.

— Изменились, — сказал Пятнуля. — Я видел.

— Да, изменились, — сказала Хвостик, кивая.

«Эти двое детей тоже такие неприятные!» — подумали старший смены и Явлевис.

Храм Матери Первозданной Крови стоял на седьмом уровне, где было удобно контролировать этот участок реки Райи, проходящий через Шпиневиль.

Когда Линь только попал сюда, он плохо понимал экологию подземного мира. Пусть туман и отделял поверхность от глубин, но подземелье всё равно не могло быть полностью отрезано от мира наверху.

На глубине около ста метров располагался подземный слой постоянной температуры, но и она определялась солнечным светом, обычно равная средней годовой температуре поверхности.

Если даже температура зависела от поверхности, то что уж там говорить о главном — подземных реках, которые определяли возможность существования подземных городов.

В знаниях Линя подземные реки получали воду из дождей и талого снега.

Но если мир был полностью отрезан от поверхности — откуда же тогда бралась вода подземных рек?

Когда-то Линь задавался этим вопросом, но потом понял, что не должен был объяснять этот магический мир законами Земли.

Подземные реки текли благодаря Матери Первозданной Крови.

Эта планета — если это была планета — имела только один материк. И центральный храм Матери Первозданной Крови находился в самом центре материка.

Мать Первозданной Крови творила мощное чудо: словно гигантское сердце, она издалека всасывала морскую воду, очищала её и перегоняла от центра материка к великим рекам, запуская водный цикл подземного мира.

Если считать подземный мир живым существом, то реки были его кровеносной системой.

Текущая вода была кровью, а Мать Первозданной Крови действительно обеспечивала выживание бесчисленных жизней этого мира.

Войдя в храм, Линь взглянул на огромную божественную статую, стоящую на алтаре. Длинные и красные, как кровь, волосы скрывали её лицо и тело. Они не столько ниспадали, сколько стекали по фигуре богини.

Линь опустил голову в знак уважения.

Две молодые священницы радостно приняли у него двух детей, заверив Линя, что он может не беспокоиться и доверить их им.

Линь помахал рукой Пятнуле и Хвостик, которые всё ещё оборачивались, и только когда они вошли в маленькую боковую комнату храма, он повернулся назад.

Фельдграу остановился и ждал его; два культиста дрожали так сильно, что едва могли шагать.

— Дальше можно не идти, — раздался спокойный женский голос. — Под взором моей повелительницы я собираюсь вскрыть мозги этих двух злодеев и посмотреть, смогу ли я добыть из их серого вещества хоть какую-то информацию.

Из внутреннего прохода вышла местная епископ Матери Первозданной Крови.

Она и Фельдграу обменялись церковными приветствиями, после чего она посмотрела на Линя.

— Инквизитор Линь, — её улыбка была мягкой, почти материнской. — Я слышала, что ты очень искусен в наблюдении и анализе. Рассчитываю на твою помощь.

<http://bllate.org/book/12612/1120008>